

УДК 394.014

DOI: 10.17223/19988613/60/9

Л.Н. Спиридонова, А.Ю. Федотова

**«ОТ МРАКА К СВЕТУ. ОТ БИТВЫ К КНИГЕ. ОТ ГОРЯ К СЧАСТЬЮ»:
ДОСУГ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920-е гг.**

На основе ранее не опубликованных архивных материалов анализируются особенности формирования культурной жизни городского населения Среднего Поволжья. Постановка задач культурной политики со стороны органов власти не всегда имела социально-экономическое обеспечение, поэтому часто возлагалась на общественную инициативу, частичную самостоятельность творческих обществ, групп, объединений и коммерциализацию зрелищных мероприятий. Авторами рассматриваются антиномии послевоенных лет и последствий голода, на фоне которых происходило протекание досуга. Исторический контекст и анализ источников позволяют говорить о многоликости культурной жизни в 1920-е гг. Внешние и внутренние её признаки свидетельствуют о том, что всё это вносило специфику в стихийный характер действительности и служило психологической защитой для различных социальных слоев общества.

Ключевые слова: досуг, повседневность, культурная жизнь, Среднее Поволжье, 1920-е гг.

Одним из актуальных направлений развития исторической науки на современном этапе является история повседневности. Особое внимание уделяется советской повседневности, в истории которой есть десятилетие, включающее противоречия двух исторических эпох: 1920-е гг. еще находились в поле «старого», дореволюционного прошлого, от которого советское правительство стремилось отказаться, избавиться, и «нового», нарождающегося будущего, которое окончательно сформировалось в советский образ жизни в 1930-е гг. Вследствие этого период НЭПа можно охарактеризовать как время надежд на светлое будущее, лучшую жизнь и время разочарований, сопровождающееся тяжелым социально-экономическим положением населения, вызванным неурожаем и страшным голодом на обширной территории Советской России. Тяготы и лишения, ежедневная борьба за выживание не могли не сказаться на такой стороне повседневной жизни, как досуг.

Историография проблемы включает в себя значительное число работ, где традиционными были подходы к вопросам досуга и культуры через идеологию государства и реализацию культурной политики. С одной стороны, по мнению авторов 1920-х гг. (В. Сизов, С. Струмилин, С. Тизанов, В. Усольцев, Б. Шнепп), составленные комплексные сборники представляли оценки со статистическими данными о проведенных исследованиях в промышленном, экономическом, культурном секторе за определенный период. С другой стороны, в литературе 1920-х гг. выделялся отмечается интерес к быту и досугу отдельных социальных слоев. Бытовые зарисовки и очерки являлись распространенными жанровыми формами публицистики (А. Залкинд, А. Кузнецов, М. Лебединский, М. Ломакин, В. Чадаев).

В большинстве работ 1930–1950 гг. (Н. Белькович, Г. Карпов, А. Косарев, Л. Фрид) уделялось внимание роли и деятельности советских органов власти в культурном обустройстве и решении проблем Среднего Поволжья.

Пик исследований пришелся на 1950–1980 гг., когда работы касались вопросов культурной революции,

развития национальной специфики в регионе, смычки города и деревни, налаживания системы культурно-массовой работы и пр. В них (Л. Иванов, Н. Ким, И. Климов, З. Гарипова, Х. Хасанов) представлен анализ предшествующих историографических работ в области управления культурой и культурно-просветительской деятельности в рамках выстроенной идеологии и партийно-государственного режима.

В постсоветский период начали появляться исследования на основе современных научных подходов, подтолкнувшие к новому осмыслению культурных процессов в истории, социальной идентификации человека и интерпретации культурных достижений. Большое внимание уделялось истории повседневности, социальным взаимоотношениям, оценкам событий с точки зрения самого человека (Н. Козлова, С. Малышева, А. Морозов, А. Сальникова, И. Гатауллина, Л. Каримова, Ш. Фицпатрик).

Немалый вклад внесли ученые в понимание многослойных основ культуры с точки зрения междисциплинарного подхода (В. Лебедева, В. Скоробогачкий, Ш. Плагенборг, А. Яковлев, М. Деканова). Появление комплексных исследований на стыке наук способствовало глубокому пониманию и объяснению причин сохранения классических установок искусства и культуры в 1920-е гг. от разрушения и уничтожения.

Источниковая база статьи включает несколько групп источников. Основную группу составляют документы фондов Государственного исторического архива Чувашской республики (ГИА ЧР), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Некоторые из материалов введены в научный оборот впервые. Например, документы фондов ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 84, 360; ГА РМЭ. Ф. Р. 234. Оп. 1. Д. 3, 3а; НА РТ. Ф. Р-2387. Оп. 1. Д. 1.

Делопроизводственные документы включают отчеты о деятельности театров, кинотеатров, художественных отделов, а также планы обследований и сведения

об экономической и культурной жизни различных групп населения, выбранных по социальному или национальному составу. В них уделялось внимание обследованию социально-культурного уровня жителей города и села, проблемам физического воспитания населения, роли учреждений культуры (театров, клубов, библиотек) в повышении культурно-массового обслуживания. Конкретные данные помогли уяснить текущее положение в сфере культурной жизни в разные периоды 1920-х гг., отразить поиски решений органами власти вопросов культуры и досуга на местах.

Большой фактологический материал хранится в фондах Национального архива Республики Татарстан (фонды Р-2915, Р-3682, Р-732). Задействованные документальные и визуальные источники (подшивки программ, афиши, плакаты (рис. 1)) позволили проанализировать репертуарный план театров и зрелищ-

ных мероприятий в первой половине 1920-х гг. и сравнить с изменениями во второй половине периода.

Отдельную группу источников составляют материалы периодической печати. Публикации, написанные очевидцами и участниками событий, содержат не только важный исторический компонент, но и ответную эмоциональную реакцию на происходящее, что особо ценно для воссоздания духа времени и хроники развития культурной жизни. Среди газет наибольший интерес в рассматриваемый период представляют крупные региональные газеты: «Известия ТатЦИКа», «Красная Татария», «Марийская деревня», «Трудовая газета». К этой же группе источников относятся приложения к периодическим изданиям, выходившим во второй половине 1920-х гг.: «Листок краеведа» за 1925 г., «Листок культработника» за 1927–1928 гг., «Листок спортивных игр» за 1928–1929 гг.

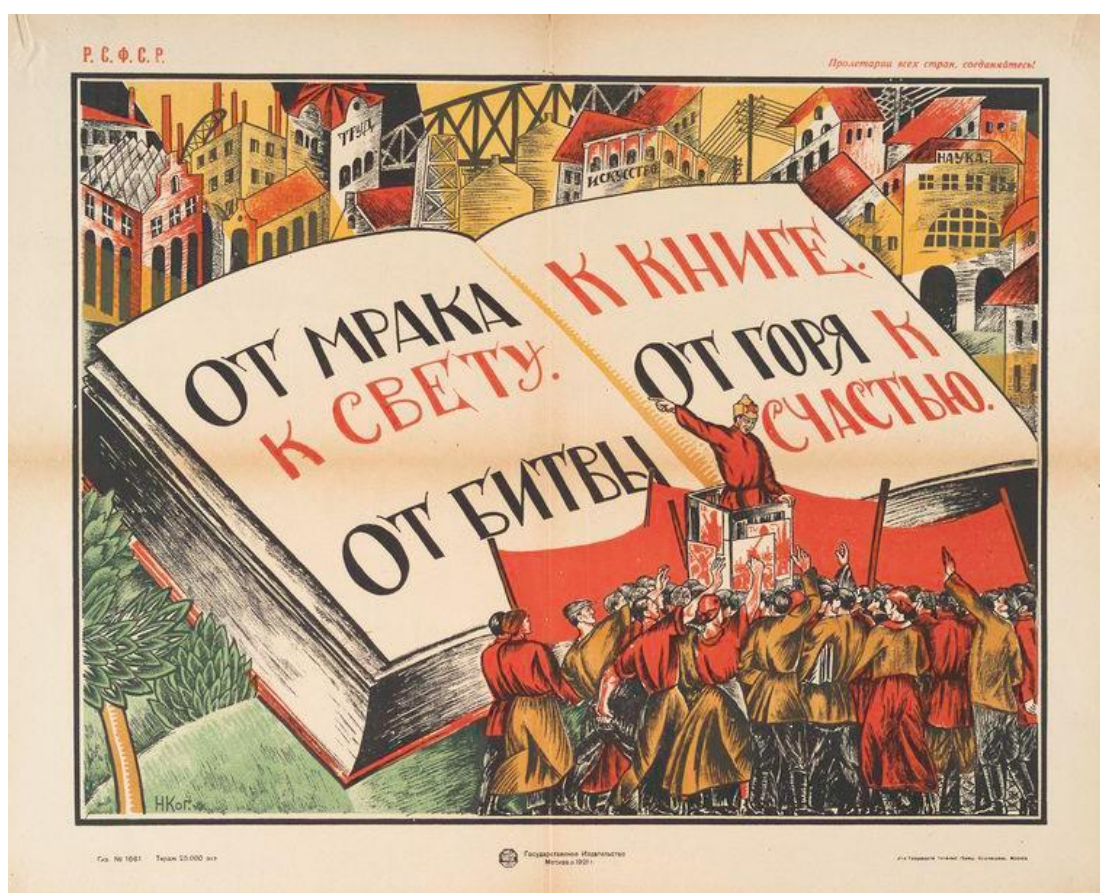

Рис. 1. Плакат «От мрака к свету. От битвы к книге. От горя к счастью» (Н.Н. Когоут, 1921 г.)

Территориальные рамки охватывают Татарскую АССР, Марийскую и Чувашскую автономные области, Мордовский округ. Это объясняется несколькими причинами: между ними сохранялись тесные социально-экономические связи, обусловленные схожестью природно-географического положения, экономического развития, многонациональным составом населения, однотипностью социально-экономических и бытовых проблем, возникших в результате голода в Поволжье и его последствий. В отдельных случаях для более полного раскрытия проблемы допускался выход за территориальные границы данных регионов при сохранении географических рамок Среднего Поволжья.

Социальные трансформации в обществе. Городское население Среднего Поволжья, как и большей части Советской России, в основной своей массе состояло из служащих, рабочих и интеллигенции. По данным переписи 1926 г. в Марийской автономной области городское население составляло чуть более 4%. Для сравнения в ТАССР в этом же году горожан было 17,5%, из них служащих – 6,4%, рабочих – 4,9%, ремесленников и кустарей – 2,0% [1. С. 59]. В 1920-е гг. служащие среди городского населения составляли довольно многочисленную социальную категорию. В 1923 г. в Средневолжском регионе к ним относилось 24,9% от всего городского населения, а в 1926 г. – уже

25,3% [2. С. 31]. Неуклонный рост численности наблюдался и в такой социальной категории, как рабочие [3. С. 233]. Она пополнялась за счет отходников, молодежи, вчерашних крестьян, уезжающих в города в поисках лучшей доли.

Существенные изменения произошли и в среде интеллигенции. В результате революционной экспроприации и широкомасштабной эмиграции представителей бывших высших слоев общества практически не осталось. При их отсутствии роль «буржуазии» пришлось исполнять интеллигенции – наследнице дореволюционной российской элиты [4. С. 179]. К представителям интеллигентных профессий относилось несколько групп, в том числе старший административный, юридический, технический, медицинский и культурно-просветительский персонал [2. С. 115].

В то же время после революции и Гражданской войны ряды интеллигенции значительно пополнились за счет иных социальных категорий, особенно это коснулось старшего административного и юридического персонала зарождающегося нового государства. Как вспоминал очевидец тех событий писатель Михаил Осоргин (1878–1942), «...в новом строе, уничтожившем бывшее чиновничество, всякий, кто мог, становился чиновником, советским служащим...» [5. С. 8]. Нахо-

дясь в ссылке в Казани, он дал следующую характеристику следователю, который вел дела о людоедстве в голодные 1921–1923 гг.: «...человек новой формации, без всякого образования, но успевший усвоить казенный “юридический” язык» [Там же. С. 13].

«Помни о голодающих»: новые требования времени. Начало 1920-х гг. в Среднем Поволжье ознаменовалось неурожаем и голодом, которые оказали существенное влияние на вектор культурной жизни региона (рис. 2). В условиях отсутствия достаточных средств для помощи голодающим одним из механизмов разрешения социальных проблем в годы советской власти являлись агитация и пропаганда, которые играли огромную роль в жизни общества. Широкое распространение получают такие социальные кампании, как «дни», «недели», «месяцы».

Так, в столице ТАССР с 15 сентября по 15 октября 1921 г. прошла «Неделя помощи голодающим». Специально к этой социальной кампании В. Маяковский в рамках «Окна Роста» написал стихи «Сегодня неделя помощи голодающим»:

Стонет Поволжье, о хлебе моля.
В дни вот этой недели
Помоги Поволжью обсеменить поля,
Помоги Поволжью, чтоб голодные ели [6].

Рис. 2. Плакат «Помни о голодающих!» (И.В. Симаков, 1921 г.)

Через месяц, в ноябре 1921 г., там же в рамках «Недели Красного креста» повторно были организованы концерты и спектакли [7. С. 131]. В некоторых городах Чувашской автономной области выступала «Живая газета» в пользу голодающих. Такой вид работы с населением подразумевал живое общение. Как правило, группа самодеятельных артистов из 5–10 человек организовывала свои выступления в наиболее оживленном месте города. Например, в Чебоксарах «Живая газета» была задумана сразу двух типов – по вторникам выпуски показывались на базаре, а по воскресеньям – для служащих в театре и на вечерах [Там же]. Содержательную сторону «Живой газеты» составляли местная и центральная хроника, юморески, заметки по поводу и «почтовый ящик», который предполагал обратную связь в виде вопросов и ответов. В число злободневных тем входила борьба не только с голодом и пережитками прошлого, но и с неграмотностью, алкоголизмом, вульгарностью, азартными играми. Первоочередной задачей живогазетчиков являлись информирование и «окультуривание» населения [8. 1923. № 4].

Весной того же года, в «Неделю беспризорного и больного ребенка» (30 апреля – 6 мая 1923 г.), представленный властями ТАССР план включал концерты, вечера, выступления и спортивные игры с участием самих детей. Однако скудные материальные возможности заменялись беседами с детьми на такие темы, как «Значение 1 мая и революции», «Организация и важность труда», а также о последствиях беспризорности, вреде алкоголя, курения, значении здоровья и пр. Ощущение праздника поддерживалось шествиями с музыкой и плакатами, изготовленными детьми, устройством кинопоказов и спектаклей с детской программой, работой в эти дни чайных, библиотек и читален при детских клубах [9. Д. 160. Л. 26].

Помимо сбора средств для оказания помощи социально уязвимым группам населения, кампании выполняли и пропагандистскую функцию. С подачи и под контролем государства лекции, доклады, статьи в популярной форме должны были раскрыть причины голода как следствия «самодержавно-помещичьего строя», империалистической и Гражданской войн, подчеркнуть роль правительства в борьбе с данным бедствием.

Как правило, социальные кампании сопровождалась лотереями и другими, зачастую зрелищно-развлекательными, программами, направленными на привлечение дополнительных материальных средств в пользу голодающих. Такие мероприятия имели и обратную сторону. По воспоминаниям писателя и общественного деятеля Александра Жиркевича (1857–1927), подобные «вечера» вскрывали противоречия повседневности данного исторического периода: «Стены, заборы Симбирска пестрят афишами о концертах, спектаклях, балах с танцами без перерыва, до утра, с призами за костюмы, за красоту, за изящество и т.д., все в пользу голодающих. А голодающие умирают на улице у таких афиш... Мне передавали, что у входа в такие увеселения собираются нищие с горящими от голода, зависти, ненависти глазами, требуя милости у счастливых» [10. С. 76].

Проведение социальных кампаний, посвященных помощи голодающим, не отменяло праздников формирующегося советского календаря, хотя и они в условиях голода негласно вовлекали население на борьбу с ним. Например, в празднование Первой 1923 г. труппы русской и татарской драмы провели ряд благотворительных выступлений и концертов на разных площадках Казани, таких как Красноармейский дворец, Большой театр, дом Крестовникова, цирк, Красноармейский сад. Постановки привлекали внимание к острым вопросам и проходили как сбор пожертвований в пользу красноармейцев, голодающих Татарской Республики, беспризорников, студентов университета, Коммунистического клуба и пр. [11. Д. 278. Л. 108–109].

В то же время в связи с чрезвычайно тяжелым социально-экономическим положением были установлены финансовые ограничения со стороны властей на благоустройство, ремонт зданий, жилищное строительство. Однако отпуск государственных средств на уборство городов и различные праздничные действия производился в полном объеме. С размахом проходили октябрьские торжества 1923 г. в Казани, где были задействованы многие городские площадки: в Клубе Нацмен (национальных меньшинств) – интернациональный вечер, в Коммунистическом клубе – инсценировка II съезда советов, в театре «Олимп» – постановка «Борец за свободу» для детей. [12. Д. 231. Л. 115].

«Внешнее», показное веселье в городах, стремление населения праздновать в самые неподходящие, казалось бы, времена (безработица, голод, неуверенность в завтрашнем дне) объяснялись рядом социально-психологических факторов. Спектр этих факторов довольно широк – от привычного для обывателя религиозного сознания прибегающего к магическим ритуалам в форс-мажорных обстоятельствах до рассмотрения праздников как своеобразного «клапана», через который происходил выброс недовольства, страха, неудовлетворенности действительностью. Праздники были и способом самосохранения обывателя в безумии катастрофических будней, средством своеобразной психотерапии, «антидепрессантом» [13. С. 19].

«Веселье – от всех бед спасенье». В 1920-е гг. выделяются две формы организации отдыха, сформировавшиеся впоследствии массовые типовые модели досуга советского гражданина. С одной стороны, утверждалась официальная, идеологически «нагруженная» система культурного времяпрепровождения, с другой – существовала неофициальная, сугубо индивидуальная по представлениям и понятиям или сложившимся стереотипам поведения обывателя система. [14. С. 57]. Распространенными формами досуга горожан в это время считались чтение, посещение кино, театра и спорт.

В период НЭПа чтение становится популярным и в кругу рабочих. В результате бюджетного обследования в конце 1923 г. 32% рабочих Казани имели дома книги [15. С. 91]. Рекламные объявления предлагали заказать по почте или купить всевозможные сборники, песенники, букинистику и пр., хотя нередко рядовой обыватель довольствовался библиотекой или недорогими брошюрами и книгами от 4 до 40 коп. [16. 1927. № 93]. Количество библиотек в крупных городах уве-

личилось, в частности в столице ТАССР их стало 71 [17. С. 37]. При этом в провинциальных городах Чувашской автономной области общее число клубов и народных домов за 1920–1926 гг. выросло незначительно, а библиотек – даже сократилось [8. 1927. № 125].

Другим вариантом приобщения горожан к достижениям отечественной и зарубежной литературы были так называемые «суды» на заданную тему. В 1921–1922 гг. в Казани планировалось провести литературные суды над произведениями А. Франса, Ф. Достоевского, вечера памяти А. Блока, А. Чехова, но многие из них были отменены. В качестве причин назывались отсутствие заинтересованной публики, отсутствие света из-за останки электростанции, неподготовленность помещений и др. [11. Д. 278. Л.46]. Основной же причиной было то, что население находилось в тисках голода и разрухи.

В первой половине 1920-х гг. были образованы первые государственные театры, которые впоследствии стали называться академическими. В состав Татарского государственного академического театра (1920) вошли актеры дореволюционных татарских трупп и участники самостоятельного коллектива «Анг» («Разум»). В Государственном чувашском театре (1921) состоялось открытие первого сезона; среди постановок были спектакли на чувашском и русском языках. Позже начал свою работу Марийский государственный театр (1926) – это было связано с долгим строительством и сдачей театрального здания в Йошкар-Оле. Открытие постоянных театров привлекло в города новых артистов, выступавших в передвижных труппах или обучавшихся в Москве, Астрахани, Оренбурге, Уфе и других городах. Широкое распространение получает гастрольная деятельность. В культурной жизни средневолжского региона отмечены гастроли 1-й, 2-й и 3-й театральных студий МХАТа как настоящие театральные события [18. 1924. № 3, 6, 9; 20].

Все спектакли, входившие в основной репертуар театров, можно было разделить на классические, социально-классовые и зрелищные. Первый вид составляли спектакли по мотивам известных произведений: «Ревизор» и «Женитьба» Н. Гоголя, «Недоросль» Д. Фонвизина, «Идиот» Ф. Достоевского, «Савва» Л. Андреева, «Без вины виноватые» и «Лес» А. Островского, «На дне» М. Горького и пр. Такие постановки входили в репертуар Большого государственного драматического и Заречного театров в Казани, Государственного чувашского театра в Чебоксарах, Первомайского театра в Алатыре, Симбирского большого государственного театра [8. 1923. № 92, 107; 19. 1924. № 129, 134].

Социально-классовые пьесы составляли небольшую группу, но они пользовались спросом не меньше, чем классика. Как звучало из уст очевидца, «публика лезет в театр за чесанием душевных пяток», а здесь в новом театре – жизненная правда [8. 1923. № 114]. К примеру, в Саранске в 1924–1925 гг. выступала передвижная русская труппа Куйбышевской краевой драмы. Ее спектакли не только знакомили мордовских зрителей с классической драматургией, но и предлагали социально заточенные постановки: одноактные пьесы на злободневные темы безымянных авторов «Буржуй и генерал», «Слу-

шайте!» или антирелигиозные пьесы «Коммунисты и религия» Ф. Завалишина, «Знахарка» Ф. Борисова, «Жертва эгоизма» Н. Сабурова [8. 1923. № 18, 177, 178].

Под зрелищными подразумевались спектакли не только с новым содержанием, но и с эффектной формой. Нередко так выступали театры миниатюр с использованием разных технических задумок, эксцентрики, шумовых эффектов. К ним также относились экспериментальные постановки Н. Фореггера, В. Мейерхольда, Пролеткульта. По мнению зрителей, это было искусство-производство со своими новыми принципами, с изучением материала и механизацией постановок [18. 1924. № 100].

Интересным явлением в хронике крупных городов являлись театры рабочей молодёжи (ТРАМ), конструктивно-экспериментальные мастерские современного театра (КЭМСТ) и любительские театры. В соответствии с новыми веяниями в Казани в 1923 г. возникает театр «Мастерская театральных зрелищ КЭМСТ». Основными его принципами провозглашены конструктивизм, эксперимент, мастерство, современность, театральность. Первые же спектакли театра «Степан Разин» В. Каменского (рис. 3) и «Мистерия-буфф» В. Маяковского показали правомерность новых творческих подходов. В борьбе за демократического зрителя театр КЭМСТ одержал решительную победу над остальными театрами Казани [20. С. 47].

Среди источников о культурной жизни Казани сохранилась программка театральной студии «Кривой глаз» за 1925 г., которая предлагала вниманию зрителей несколько постановок в течение вечера: показ агитационной пьесы, скетча «За шелковой занавеской», исторической трагикомедии «Ратоплан» и деревенского лубка под названием «На лоне природы». [12. Д. 697. Л. 14–15об.].

К сожалению, не всегда качество выступлений было на высоте. Репертуар включал в себя всевозможные постановки, которые могли привлечь в театр рядового зрителя: от безвкусицы опереточных пьес до исторических драм и классических опер, с одной стороны, и от произведений революционных авторов до экспериментальных постановок – с другой. В рыночных условиях НЭПа, когда театры были переведены на хозрасчет и их существование зависело от посещаемости публики, в местной прессе не раз печатались заметки о несоответствии репертуара духу времени, а в отчетах о театральной работе содержались жалобы, что по этой причине «не представляется возможным обратить театры в орудие агитации и пропаганды и невольно приходится платить дань мелкобуржуазной идеологии» [11. Д. 278. Л. 188–189].

Во второй половине 1920-х гг. в равной мере обыватели стремились как в театр, так и в кино. Не столько зрелищность, сколько доступность мероприятий объясняли их особое место в досуге городского жителя. Начиная с середины 1925 г. объявлялись специальные кинопоказы для льготного посещения отдельных категорий, детские киноутренники, разрабатывались тематические планы. Осенью 1926 г. афиши Казани приглашали на просмотр фильмов первого экрана по общедоступным ценам от 10 до 40 коп. [19. 1926. № 126].

Рис. 3. Афиша постановки «Степан Разин» театра КЭМСТ, 1923 г.

В то же время расходы населения на культурный досуг (экскурсии, музеи, книги, покупку музыкального инструмента) были скудными: в первую очередь приходилось рассчитывать средства на оплату жилья, продукты, предметы первой необходимости. К примеру, в 1927 г. в Марийской автономной области цена за литр керосина составляла 13 коп., за килограмм рафинада – 78 коп., а плата за прокат коньков или услуги лыжной базы – 30 коп. в час для простых граждан и 50 коп. в день для членов профсоюза. [16. 1927. № 68]. А если учесть, что интенсивный труд рабочего составлял 6 дней в неделю более 11 часов, то к выбору досуга подходили прагматично и в столичных городах, и в провинции.

«К новым победам в спорте!» Если в первой половине 1920-х гг. намечались некоторые ростки по развитию физической культуры и спорта, то во второй половине наблюдались заметные сдвиги в распространении и пропаганде физической культуры среди масс. Это был один из способов взаимодействия созданных советов по физической культуре с населением. На первый план органами власти выдвигалась задача воспитания нового советского человека, в связи с чем подчеркивалась работа с подрастающим поколением. Отдельную роль играли в этой работе профсоюзные

комитеты, добровольные общества и объединения. Под их руководством активно проводились различные первенства: города, области, республики [8. 1929. № 84, 177; 16. 1927. № 36; 19. 1928. № 221].

Радикальные меры должны были привести к оздоровлению людей, которые испытывали физические и психологические перегрузки, да к тому же многие из них имели заболевания после военных лет и голода. Вот как описывает эту ситуацию один из авторов газеты «Марийская деревня» Сысоев: «Тысячи людей, страшно перегруженных работой, чуть ли не на сто процентов составляют типичнейший лазарет полутемных людей – туберкулезников, неврастеников, маляриков, с ревматизмом, катарам, с обостренным малокровием» [16. 1926. № 10]. Многие действия на этом фронте предусматривалось провести в двух направлениях: на спортизацию, военизацию населения и на организацию здорового образа жизни, питания, сна человека. Но если решение первой задачи было политически важным и поддерживалось военными органами, то другая задача оставалась на откуп спортивным обществам, здравотделам и профсоюзам.

Увеличение масштабов спортивной работы говорило о том, что физическая культура становилась необходимостью: с одной стороны, как запрос городского

населения, с другой – как реализация культурной политики государства. При этом уже на начальном этапе возникала правомерная критика в отношении не только организации и планировании работы, но и количества участников, отдельных соревнований, спортивных клубов. Автор статьи в газете «Красная Татария» о поставленной физкультурной работе с сожалением замечает: «Умер “Сокол”, “Санитас”, замирает “Флорида”. Единственная спортивная организация в кантонах ТАССР и Казани – “Комсомольский флот”» [19. 1924. № 37].

Анализ сведений из отчетных материалов Республиканского комитета по физической культуре Марийской автономной области говорит о возникновении трудностей в деятельности спортивных учреждений, так как практически никаких средств не отпускалось, работа часто была казенной, инструкторы проводили ее без календарных планов и соответствующего оборудования. Даже во второй половине рассматриваемого периода отмечались существенные пробелы и отсутствия опыта. Так, в дни крупных осенних соревнований 1928 г. в столице ТАССР не были вовлечены союзы железнодорожников, химиков, металлистов, коммунальщиков [Там же. 1928. № 221].

Несмотря на внутреннюю несогласованность между различными уровнями советов по физической культуре, спортивными обществами, кружками, использовались формы и приемы культурно-просветительской работы: день, месячник, неделя, праздник физкультуры и т.д. Они дополнялись многоступенчатыми встречами под названиями «матчи-турниры», «звездные забеги», «олимпиады», которые с интересом воспринимались молодым населением и освещались в местных газетах. На плакатах того времени звучали призывы: «Молодежь – на стадионы», «Ближе к физкультуре!», «Боритесь за новые достижения в спорте!» Начали работать возрастные детские группы по снарядовой гимнастике, боксу, тяжелой атлетике и подвижным играм [Там же. 1924. № 71; 1928. № 241]. Примечательно, что сохранились некоторые из названий детских подвижных игр на свежем воздухе: статуи, удав и зверь; вал на вал; бой петухов; шар-баба; главрыба; покладыш; взятие крепости; насадка; жгут лежит; скачки лягушек; пластины; тачечники; воробьиный марш; двое слепых; ножной мяч в кругу; борьба за мяч; блуждающий мяч; бег с завязанными глазами; бег в мешках; битье горшков и др.

Однако спорт не имел широкого распространения среди населения. Так, в Казани в 1924 г. спортом занималась 1 000 человек, что составляло менее 1% (исходя из данных городской переписи населения в 1923 г.), в крупных городах Марийской автономной области Йошкар-Оле и Козмодемьянске на 1925 г. – 419 человек. За 1923–1925 гг. в городах Чувашской автономной области – Чебоксарах, Ядрине, Цивильске, Мар-Посаде, Ибреси – спортом было охвачено 1 899 учащихся из разных типов школ [21. Д. 360. Л. 80]. В состав команд на городские первенства преимущественно входили служащие и рабочие, выдвинутые от своих организаций. Например, сообщалось, что в октябрьские праздники 1928 г. в Набережных Челнах проводились соревнования по городкам среди 12 различных учреждений и предприятий [19. 1928. № 231].

А если учесть, что кроме этого постоянно вносились изменения в финансирование спортивных клубов, то становится понятным нестабильный характер в организации спортивной работы. Из годовых отчетов советов по физической культуре по Марийской автономной области следовало, что сокращались областные средства и увеличивались по кантонным бюджетам, а значит кантоны должны были сами изыскивать средства. При этом на 1928–1929 гг. было отпущено на работу по физической культуре в Марийской области 18 713 руб., что в три раза превышало сумму 1925 г., когда в смету было заложено 5 498,90 руб. [16. 1929. № 148; 22. Д. 14. Л. 4].

Невзирая на возникающие сложности, физическая культура занимала полноправное место в досуговом разнообразии горожан. Желание самого человека быть здоровым и использовать силы природы – солнце, воздух, воду – двигало им в организации своего быта и режима отдыха.

Подводя итог, следует отметить, что культурная жизнь городов Средневолжского региона в годы НЭПа предлагала широкий выбор времяпрепровождения. Досуг горожан отражал переходный характер данного исторического периода. С одной стороны, сохранились дореволюционные виды досуга, с другой – нарождались новые по форме или содержанию, носящие уже революционную окраску. При этом свой отпечаток накладывали и социально-экономические трудности – неурожай и голод. В условиях тяжелейшего кризиса начала 1920-х гг. государство старалось привлечь население к делу помощи голодающим. В рамках социальных кампаний в виде «дней», «недель», «месячников» проводились различные спектакли, концерты, вечера, носящие благотворительный характер.

Широкое распространение получает такой вид индивидуального досуга, как чтение, которое начинает выходить за границы домашних библиотек путем создания библиотек общественных. Функцию ликбеза среди городского населения должны были выполнять литературные суды над произведениями отечественных и зарубежных авторов. Особую популярность в условиях невысокого уровня грамотности горожан приобретают театр и театрализованные постановки. Наряду с дореволюционными театрами, чей репертуар тяготел к работам классиков, возникают новые. Отвечая духу времени, их постановки носили либо социально-классовую направленность, либо старались удивить публику зрелищностью, экспериментальным подходом и эффектной формой. Иногда форма превалировала над содержанием, что существенно сказывалось на качестве постановок. Поэтому театр был скорее местом развлечения обывателя, чем «орудием агитации и пропаганды». Более легким для понимания публики и довольно доступным финансово становится в эти годы кино.

Во второй половине 1920-х гг. государство все больше начинает обращать внимание не только на культурное, но и на физическое развитие горожан. Создаются советы по физической культуре. В то же время к популяризации спорта как одного из видов досуга привлекаются профсоюзы и общественные организации. Однако работа в этом направлении была плохо

организована, не имела достаточной финансовой поддержки со стороны государства, вследствие чего спорт не имел широкого распространения среди горожан.

Несмотря на разнообразие и определенную свободу функционирования дореволюционных форм досуга, культурная жизнь городов была пронизана агитацион-

но-пропагандистским духом. Уже в конце 1920-х гг. под его влиянием свобода выбора форм досуга была ограничена официальной, идеологически «нагруженной» системой культурного времяпрепровождения, которая в 1930-е гг. сформировала советские «классические» досуговые практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шнепп Б. Краткий сборник по вопросам советской промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства Татарской Республики. Казань : Татиздат, 1929. 54 с.
2. Каримова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е годы : социально-демографический анализ. Казань : Изд-во МОиН РТ, 2010. 212 с.
3. Каримова Л.К. Социальная структура населения Казани по переписям 1923 и 1926 гг. // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века : сб. науч. ст. и сообщ. Казань : Хатер (ТАРИХ), 2003. С. 230–235.
4. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период : антология. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2001. С. 174–207.
5. Осоргин М. Времена // Новый журнал (Нью-Йорк). 1943. № 4. С. 5–21.
6. Маяковский В. Окна Роста и Главполитпросвета 1919–1922 гг. 1921. Т. 3, сентябрь. № 339. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-03/mayakovsky-pss13-03.html> (дата обращения: 29.08.2017).
7. Известия Ревкомитета ЧАО (Алатырь) : орган Алатырского райкома ВКП(б) и райисполкома. 1921. № 49.
8. Трудовая газета (Алатырь) : орган Алатырского укома РКП(б) и уисполкома.
9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-732. Оп. 1.
10. Жиркевич А. Голод в Поволжье // Слово. 1991. № 12. С. 71–77.
11. НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1.
12. НА РТ. Ф. Р-2915. Оп. 1.
13. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005. 400 с.
14. Гатауллина И.А. Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Известия Алтайского университета. 2008. № 4-3. С. 52–61.
15. История Казани. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. Кн. 2. 381 с.
16. Марийская деревня (Краснококшайск) : орган Мароблисполкома и профсовета.
17. Культурная революция в Татарии (1917–1937). Казань : Тат. кн. изд-во, 1986. 304 с.
18. Известия ТатЦИКа (Казань) : орган Центрального исполнительного комитета ТАССР.
19. Красная Татария (Казань).
20. Благоев Ю.А. Казанский Большой драматический театр имени В.И. Качалова (Казанский русский драматический театр) : краткий исторический очерк. Казань : Kazan–Kazan, 2012. 128 с.
21. Государственный исторический архив Чувашской республики. Ф. Р-221. Оп. 1.
22. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-234. Оп. 1.

Spiridonova Larisa N. Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: sln69@mail.ru

Fedotova Anastasiya Ju. Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: stasi7886@mail.ru

“FROM GLOOM TO LIGHTNESS. FROM FIGHT TO THE BOOK. FROM SORROW TO HAPPINESS”: LEISURE OF THE CITY DWELLERS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1920s.

Keywords: leisure; everyday life; cultural life; the Middle Volga Region; 1920s.

The aim of the article is to look on such widespread leisure activities of the citizens of the Middle Volga Region as reading, visiting theatre and sport in the period of 1920s under the prism of socio-economic and cultural changes and to identify the influence of challenges of the given time on cultural practices of people.

The basic group of historical sources comprise current records of the fonds of State Historical Archive of the Chuvash Republic, National Archive of the Republic of Tatarstan, State Archive of the Mari El Republic. They include reports on the activity of theatres, art departments and also plans of investigations and information on economic and cultural life of different groups of population. Some of the materials are introduced into scientific circulation for the first time. Publications of periodicals (“Izvestiya TatTsIKa”, “Krasnaya Tatariya”, “Mariyskaya derevnya”, “Trudovaya gazeta”), written by the witnesses and participants of the events, reflect emotional reaction of population and help in the reconstruction of the spirit of the 1920s.

In the beginning of the 1920s hard socio-economic position of population caused by the bad harvest and famine of 1921 in the Middle Volga Region had influence on the cultural life of cities. State carried out social campaigns accompanied by different recreational events, the revenues from which were used for famine relief. As a rule, such events were practically inaccessible for starving persons.

In connection with quite a low level of education of citizens spectacular leisure activities gain popularity. In some theatres classical repertoire was still present, others, keeping up with the times, released performances on revolutionary and social-class themes. In this case new experimental forms were used and means of expression which not always contributed to the increase of the quality of performances. Within the scope of the policy of abolition of illiteracy the number of libraries increases, the citizen dwellers were acquainted with the achievements of world and domestic literature through the “judgements” on the given subject.

Hard consequences of wars, bad harvests, epidemics were felt also in the second half of 1920s. This caused necessity to involve citizens with sport. However the work in this direction was on the stage of establishment. In connection with the lack of financing and low level of organization, sport as one of the types of leisure was not widely widespread.

Summarizing the above it is important to note that the leisure of citizens reflected the transitory character of the given historical period. On the one hand, pre-revolutionary types of leisure preserved, on the other hand, new ones in form or in content, having revolutionary connotation arose. Agitation and propaganda accompanied practically all cultural events and was aimed at the formation of a Soviet style of life with leisure practices which became “classical” ones in the following decade.

REFERENCES

1. Shnepp, B. (1929) *Kratkiy sbornik po voprosam sovetskoj promyshlennosti, sel'skogo khozyaystva i kul'turnogo stroitel'stva Tatarskoy Respubliki* [A brief collection of Soviet industry, agriculture and cultural construction of the Tatra Republic]. Kazan: Tatizdat.
2. Karimova, L.K. (2010) *Sluzhashchie v strukture gorodskogo naseleniya TASSR v 1920-e gody: sotsial'no-demograficheskiy analiz* [Employees in the structure of the urban population of the TASSR in the 1920s: a socio-demographic analysis]. Kazan: MOiN RT.
3. Karimova, L.K. (2003) Sotsial'naya struktura naseleniya Kazani po perepisyam 1923 i 1926 gg. [The social structure of the Kazan population in the censuses of 1923 and 1926]. In: *Sotsial'naya struktura i sotsial'nye otnosheniya v Respublike Tatarstan v pervoy polovine XX veka* [Social structure and social relations in the Republic of Tatarstan in the first half of the 20th century]. Kazan: Khater (TARIKh). pp. 230 – 235.
4. Fitzpatrick, S. (2001) "Pripisyvanie k klassu" kak sistema sotsial'noy identifikatsii ["Attribution to the class" as a system of social identification]. In: David-Fox, M. (ed.) *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskyy period* [American Russian Studies: Milestones in recent historiography. Soviet period]. Samara: Samara State University. pp. 174–207.
5. Osorgin, M. (1943) Vremena [Times]. *Novyy zhurnal*. 4. pp. 5–21.
6. Mayakovskiy, V. (1921) *Okna Rosta i Glavpolitprosveta 1919–1922 gg.* [ROSTA Window and the Main Political Examination of 1919–1922]. Vol. 3. [Online] Available from: <http://ruslit.ttraumlibrary.net/book/mayakovskiy-pss13-03/mayakovskiy-pss13-03.html>. (Accessed: 29th August 2017).
7. *Izvestiya Revkomiteta ChAO (Alatyr')*. (1921) 49.
8. *Trudovaya gazeta (Alatyr')*.
9. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-732. List 1.
10. Zhirkevich, A. (1991) Golod v Povolzh'e [Famine in the Volga region]. *Slovo*. 12. pp. 71–77.
11. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-3682. List 1.
12. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-2915. List 1.
13. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvolyy, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
14. Gataullina, I.A. (2008) Gorodskaya povsednevnost' Srednego Povolzh'ya v 1920-e gg. [The urban daily life of the Middle Volga region in the 1920s]. *Izvestiya Altayskogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4-3. pp. 52–61.
15. Anon. (1991) *Istoriya Kazani* [History of Kazan]. Book 2. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
16. *Mariyskaya derevnya (Krasnokokshaysk)*.
17. Vakhitov, M.Kh. (1986) *Kul'turnaya revolyutsiya v Tatarii (1917–1937)* [The Cultural Revolution in Tataria (1917 – 1937)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
18. *Izvestiya TatTsIKa*.
19. *Krasnaya Tatarsiya*.
20. Blagov, Yu.A. (2012) *Kazanskiy Bol'shoy dramaticheskiy teatr imeni V.I. Kachalova (Kazanskiy russkiy dramaticheskiy teatr). Kratkiy istoricheskiy ocherk* [The V.I. Kachalov Kazan Bolshoi Drama Theater (Kazan Russian Drama Theater). A brief historical essay]. Kazan: Kazan – Kazan.
21. The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Fund R-221. List 1.
22. The State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-234. List 1.